

КНИЖНЫЙ

Роман Кривушин,
журналист, писатель.

1994 — выпускник гуманитарного факультета НГУ.
1995—2000 — работал преподавателем литературы в Северо-Казахстанском государственном университете, журналистом, редактором рекламного издания в Новосибирске, писал рецензии для газеты «Коммерсантъ-Сибирь». Сейчас работаю над книгой.

Мои интересы и увлечения:
футбол, рыбалка,
экспериментальная поэзия
и нежанровая проза.

krivus@mail.ru

развал

Иллюстрации:
Василий Вершинин,
Екатерина Гаврилова,
Евгения Курмаева

Втoркнига

Писатель Леонид Костюков, один из редких не пристёгнутых авторов, кому за последние годы посчастливилось продвинуть в свет свои книги, справедливо заметил, что книжный рынок современной России едва ли не полностью образуют различные переиздания и компиляции. Книг издаётся много, но до смешного мало из опубликованного действительно пишется. А если и пишется — то по тщательно рассчитанному шаблону. Доля авторских, неформатных проектов, стоящих на венчурных, вычурных решениях, стремится к нулю. Новые имена появляются не сами по себе, а скорее, в силу некоей стратегической целесообразности. Художественная, или, как ещё принято называть, серьёзная литература сделалась балластом и сброшена книгоиздателями с тонущего «корабля современности».

Книги всё ещё продаются. Пусть в основном только красочные, развлекательные или якобы не бесполезные. Станок, запущенный немецким ювелиром Гутенбергом, и поныне приносит прибыль. Но уже трудно не замечать исход книг из жилищ современных горожан. Помните сказку Чуковского о Федорине горе? Поблекшие, пыльные и заброшенные, книги уходят из обновляемых интерьеров. Отправляются, кто — на дачу, кто — к букинистам, кто — просто на свалку.

С внедрением в быт ПК и цифровых технологий книга как способ и как единица хранения информации довольно быстро становится анахронизмом. А выражение «писать книгу» приобретает специфическую смысловую непрозрачность, присущую идиоме. В сознании втянутого в современность человека книга, чем дальше, тем более будет представляться нелепицей и безделицей, эксцентрической роскошью, вещью в себе или даже магической вещью. То есть в будущем она станет являться в точности тем же самым образом, как накануне своего славного «кругосветного» похода по умам и сердцам человеческим. Как, скажем, она представлялась необразованному французскому земляпашцу накануне эпохи Просвещения, или любознательному индейцу чероки до явления христианской миссии.

Это стихийный, неуправляемый процесс. Пренебрежение книжным чтением, отторжение сложно организованного художественного высказывания характерно ныне для всего цивилизованного европоцентричного мира. Текст книги, языковую среду, которая является её телом, целиком заслонила иллюстрация, раскрашенные картинки, которые стали подвижными и сгенерировали кино, анимацию, виртуальные игры. Ни высочайший уровень книго-

печатания, ни бесконечное число позиций в преискурантах книжных ярмарок, ни хитроумные маркетинговые операции по запуску популярных серий — ничто уже не способно восполнить дефицит идей, из которых выливаются большие литературные начинания. Книжный мир, бывший ядром и домом для европейского самосознания, становится призрачным и рассеивается, как наваждение. В России, где культура чтения и сама словесность были искусственной прививкой, результатом сознательного и подчас небезопасного усилия интеллектуальной элиты, этот процесс, пожалуй, обозначен ещё резче и протекает почти без запинки.

Сказать по правде, мне жалко книг. Книгу. Мне не нравится, как электронные устройства преподносят мне текст. Я не испытываю к этим пиксельным буковкам ни пиетета, ни доверия. И всё же в последнее время я редко и мало читаю книги. Не могу сосредоточиться, чтобы ринуться в напечатанный текст с головой, как в далёком детстве. Иногда мне снится один сон: я брожу среди каких-то безлюдных книжных развалов с диковинными роскошными изданиями, которые обжигают глаза. В реальном мире таких книг нет, и сожалеть об этом не стоит. Возможно, я тороплюсь с окончательными выводами относительно судьбы книжной

культуры. Но даже если отмени мои декадентские настроения, главный фактор упадка никуда не исчезнет.

Любой текст, в особенности художественный текст — не просто средство закрепления информации в неизменной структуре. Это приглашение, вовлечение в самопознание. Погружаясь в чтение, принимая в себя чужой текст как свой, человек исследует самого себя. Для европейской гуманистической традиции книга представляет собой универсальную модель встречи человеческих особей в символическом пространстве. Вовлечённый читатель отождествляется с книгой, претворяет себя в неё, пусть даже в значительно меньшей степени, чем её создатель.

Казалось бы, что за разница, в каком виде по преимуществу существует книга — в печатном или в электронном? Удобная ли она вещь, которая всегда под рукой, или прозрачная простыня из закорючек, вызываемая кликом из цифрового зазеркалья? Может быть, никакой, и всё дело в привычке. А может быть, разница есть, и очень существенная.

Вспомним, что европейский человек изобрёл себя сам, вырастил и организовал свой внутренний мир благодаря надёжному инструменту — книге. Европейская цивилизация раздалась и подчинила себе все прочие, когда европейцы научились воплощать свои познания в удобные и полезные вещи, первой из которых была именно книга. Все деревья, пущенные на бумагу для книг, будто сливаются в едином грандиозном побеге знания, который, бесконечно ветвясь, проникает всю умопостигаемую вселенную. Здесь важен мотив органической сложности европейского знания, полностью соответствующей неисчерпаемой сложности сотворённого мира. И, наконец, мы вплотную подходим к фундаментальному понятийному триединству западного, то есть иудео-христианского мира: Бог — Книга — Человек. Каждый элемент этой сакральной формулы принципиально непостижим, неразложим, неизменен. С благоговением и величайшим терпением вчитываясь в Книгу, Человек познаёт себя, то есть Бога в себе, и бесконечно углубляется в Истину.

Вследствие бурного развития кибернетики и полупроводниковых технологий у человека появилась другая модель самопознания: модель не прочтения — сборки. Софтвер, душа компьютера, не содержит в себе тайны и истины; он или работает, или не работает. Или соответствует поставленной задаче, или не соответствует. Софтвер — это конструкт, состоящий из типовых, совместимых блоков. В силу законов эффективной организации оптимальная софтверная сборка осуществляется по векторам стандартизации и упрощения. В идеале любую операционную систему можно полностью снести и заменить её другим конструктом. Компьютер лишен индивидуальности, в европейском значении слова. Незамутнённая, бесстрастная функциональность, открытость к оптимизации, гибкость, включённость в самопроизвольные порядки вселенной — вот неполный перечень завидных качеств, которыми обладает компьютер.

Технический прогресс, инспирированный западным миром, может привести к неожиданным следствиям.

Дело в том, что, скажем так, рядовой европеец, всё более отождествляющий себя с персональным дайвсом, регулярно «втыкающий» в мировую сеть, волей-неволей утрачивает свою историческую идентичность. Не знаю, как это скажется на всем прогрессивном человечестве, в случае если это метакультурное переключение действительно имеет место. Но на художественной литературе в её традиционном печатном варианте этот техногенный тренд не может не отразиться.

Внутренняя цензура

Породнившись с компьютером, мы вступаем в причудливый и жутковатый мир, где не останется иных проблем, кроме внутренних проблем отдельной личности. Ясных и операбельных личных минусов, поддающихся регуляции и настройке. Так называемое общественное сознание, внутри которого, как в парнике, развивается символическое древо литературы, постепенно расплывается и рассеивается в мировой паутине. В человеке компьютерной эры западный индивидуализм повстречался с восточным персональным релятивизмом. Личность больше не отчуждена совершенно, как в прежние добрые индустриальные времена, — она избирательно автономна. Отвлечённая интеллектуальная деятельность из субъективного «центра мира», нередко имеющая агрессивный характер, уступает место различным трансгрессивным практикам, которые позволяют реализовать фантомную внутреннюю свободу и наполнить значением ускользающую, призрачную жизнь. Современный человек слишком дорожит своим внутренним равновесием, социальной успешностью, своими настройками, чтобы так запросто открываться навстречу сложным, замкнутым, неопознанным символическим объектам. Примерно отрегулированное сознание расценивает их как бесполезный спам, отнимающий время, или как опасный вирус, способный разрушить систему.

Проще сказать, для того, чтобы стать и оставаться успешным, грамотным в земных делах, средне счастливым, книги художественные не нужны. Кому нужны чужие проблемы, даже если они принимают выражение несомненной эстетической ценности?

Посмотрим, какие оригинальные книги востребованы по сию пору. Само собой, жанровые, развлекательные, принципиально лишённые

глубины. Потом книги познавательные, предлагающие информацию, но не знание. Далее, книги прагматические, с прямыми рекомендациями, как правильно настроить свой внутренний софт: широчайший спектр псевдодуховной и психотерапевтической литературы. Наконец, автобиографические книги, чьи авторы, по общему убеждению, чего-то достигли, нашли свой путь, испытали сатори. Ну а если кому-то вдруг захочется почитать настоящую книгу, насладиться стилем или, напротив, помучить себя, побиться над извечными вопросами, — на этот случай есть классика.

Свежих книг, которые просто необходимо прочесть здесь и сейчас, а иначе — потоп, катастрофа, больше как-то не возникает. И если представить, что некий волшебник-шутник разом извлёк все вышеперечисленные категории книг из магазинов, то вряд ли современный мир всерьёз озадачится этой скучной пропажей. Другое дело — телевидение, Интернет, автомобили. То же самое, видимо, можно сказать и о литературном языке, который, в общем-то, параллелен потребности в передаче актуальной информации. Гораздо более функциональны в этом смысле жесты и бранные выражения, без которых современному человеку пришлось бы изъясняться разве что нечленораздельным мычанием.

В Рунете немало литературных ресурсов, различных по концепции, принципам и уровню отбора. Обилие писательских страничек, выложенных опусов приятно ранит воображение. А ведь есть ещё и так называемая блогосфера, куда пишут люди, как правило, лишённые писательских амбиций, но порою пишущие так, что и не оторваться. При такой небывалой популярности и интенсивности литературных практик среди постсоветских людей, несомненно, есть авторы, способные пуститься, отважиться на большие литературные проекты. Вполне возможно, что запасники крупных издательств ломятся от качественных литературных трудов. Есть вероятность, что некоторые из них потенциально ни в чём не уступают хрестоматийным нетленкам. Но никогда не будут изданы как реальная вещь. Потому что книжный мир не приемлет новых шедевров. Или так — книжный мир больше не совпадает с актуальной литературой, а напротив, явно расходится с ней всё более.

Как всегда, во всём виновата цензура. Ясное дело, речь идёт не о цензуре внешней, концептуальной,

насильственной. Будь то цензура государственная или цензура редакционная. Если что-то такое и есть, то скорее как проявление векового обычая. У нас не принято официально поощрять серьёзную литературу только за то, что она есть, — так сказать, из одной лишь любви к искусству. Нет, речь идёт о цензуре иного рода — безотчётной, стихийной и внутренней. Она — непреодолимый барьер для большинства потенциальных книг. Поскольку её носителем может являться любой современный человек, обученный грамоте, любой предположительный читатель. И сам автор, если ставит себя на место своего читателя, своего Другого, так же принимает в себя, разделяет этот «магнит предпочтений». В процессе письма он руководствуется не столько тем, что его воодушевляет (неволит) писать, сколько тем, что из этого инициала может быть транзитивно, то есть передано и воспринято. Как продукт и как вещь. Издано, куплено и прочитано. Можно сказать, что порождаемый текст переходит под контроль иной инстанции, нежели та, что вырывает из небытия и продвигает в свет серьёзные, трудные, многозначительные произведения.

Проблема Гоголя

Великие книги рождаются из великих проблем. Дара, опыта и личных амбиций для этого недостаточно. Автор, будь он трижды гений, не напишет ничего круче «Лолиты», если не будет подключён к «силовой установке», к мощному полю смыслов и символов, которое держит и проникает умы, независимо от частной воли.

В чём же состоит эта базовая русская проблема (наверное, правильнее было бы назвать её силой)? Как ни странно, её вполне отражает крылатая концепция, с которой в 1833 году заступил на должность министра народного просвещения С. С. Уваров: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединённом духе Православия, Самодержавия и Народности». Уваров не пользовался уважением у либеральных потомков, а между тем, он был одним из зачинателей великой русской словесности. В молодости — как активный участник литературного сообщества «Арзамас». В зрелом возрасте — как главный государ-

ственный цензор. Думается, что для него «соединённый дух», триединая духовная сила не были только отвлечёнными программными понятиями, но представляли собой нечто вполне осязаемое, внятное, претворяемое в реальность. Что с того, что он видел эту сущность именно так, а не иначе? Должность обязывала. В общем, царский министр как в воду глядел. Тематическое ядро русской литературы, её проблемный корпус в целом определяется следующими вопросами. Отношение к власти, проблема оптимального государственного устройства для российских земель. Морально-этическая проблематика, включающая разнообразные, порою несовместимые интерпретации веры. И собственно проблема национальной идентичности: что такое «русскость», и как она себя проявляет.

К тому времени в России, точнее сказать, в представительной её части, в среде правящего меньшинства, уже сформировался издатель и читатель, был выработан литературный язык, с успехом запущены русские версии западных жанровых инвариантов. Одна-

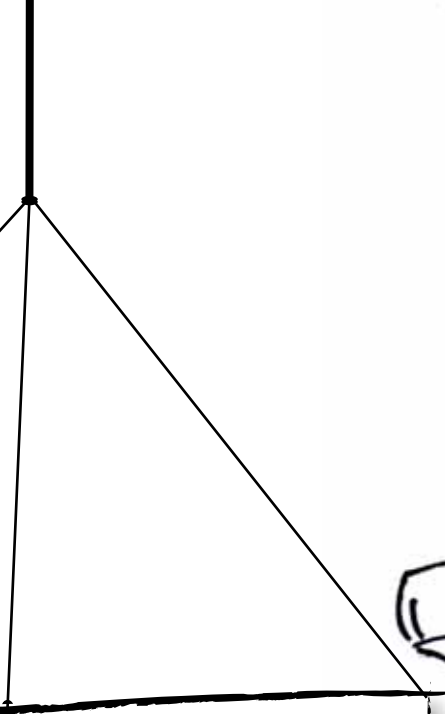
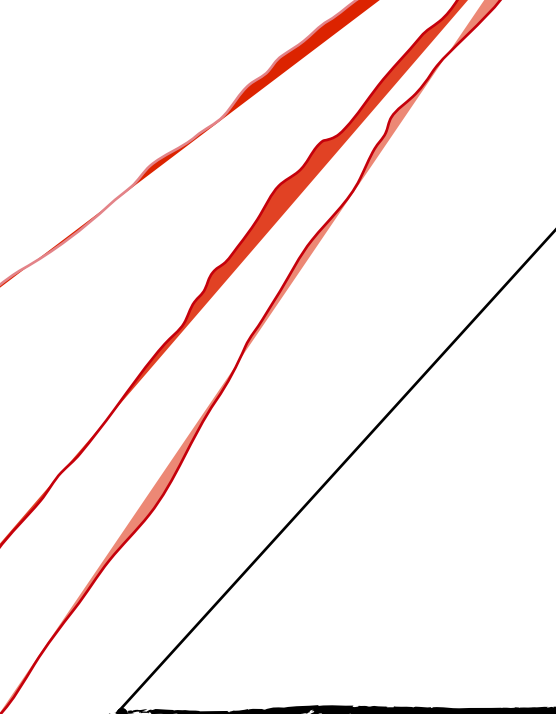
ко весомые доказательства, с одной стороны, своеобразности российской потомственной элиты, с другой стороны, европейской её просвещённости, ещё не были миру предъявлены. И триединая проблемная сущность, схематически изложенная выше, ещё не воплотила в слова свой смутный, самовластный, парадоксальный дух. Первым такое большое творение, возможно, самое дерзновенное и яркое и вместе с тем катастрофически неполное, выпало осуществить молодому писателю из провинции, который прибыл в столицу империи примерно в то же самое время, как министр Уваров обнаружил свой манифест.

Чуткость, открытость юного Гоголя местному гению были поразительны. С подачи Белинского Гоголь считается родоначальником «натурализма», направления, делающего акцент на воспроизведении реальных явлений как они есть. Но ещё в большей степени, чем прилежный бытописатель, Гоголь — мистик, чей дар — вытягивать из привычной обстановки и разворачивать в образе мифопоэтическую сущность места.

Имя и положение в кругу избранных писатель снискал благодаря добродушному, «истинно весёлому», карнавальному духу родной Полтавщины с её наивными чертями, ловкими парубками, чаровницами и старосветскими байками. Отточил свой стиль, покоряя мрачный, абсурдный, высокомерный, умышленный Петербург. После чего последовал очень серьёзный вызов. Гоголь задумал большую вещь, «предлинный роман», в которой вознамерился дать «всю Русь».

Изначально «Мёртвые души» были задуманы как авантюрный роман. Приключения дельца, пройдохи, занимательно изложенные ради чистого комического эффекта. Ну, естественно, не без едкой примеси фирменной авторской сатиры на общественные порядки. Примечательно, что цензор Никитенко пропустил роман в печать с условием, что его название будет изменено на «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». И средний читатель, заплатив хорошие деньги за раскрытую книгу модного автора, был попросту разочарован, сбит с толку.

По мере того, как Гоголь проникался Проблемой, план книги менялся. Он стал использовать Чичикова как съёмочную камеру, которая опущена в плотную неведомую среду. Запись являла причудливые, искажённые типы помещиков и мещан, довольно уродливую и отталкивающую картину русской глубинки, с рабством, беспросветным унынием и безразмерным масштабом. Кажется, Гоголь сам испугался такого эффекта. Работа шла, перо летало, но получался на выходе точно не развлекательный жанр.

Проблема ещё не полностью одержала автора, когда Гоголь счёл необходимым сам спуститься в свою вымышленную, вдохновлённую свыше Русь. Традиционная романная форма, взятая, скажем, у Филдинга или у Скотта, преобразовалась в то, что автор назвал поэмой. Помимо сюжета как такового, в «Мёртвых душах» появляется отношение «я и Русь». И проступает параноидный диалог, где одна сторона испуганно вопрошает, а другая многозначительно «не

даёт ответа». Между тем вдохновенно работает писатель лишь за границей, в основном в Риме, словно «русский дух» является ему там в самом чистом, не отягчённом вещностью виде.

Первый том был восторженно принят в кругах русской интеллектуальной элиты. Она, как известно, делилась тогда на два лагеря: западники и славянофилы. И те и другие тут же с энтузиазмом определили Гоголя в пантеон европейской культуры. Хотя сами европейцы открыли и оценили его креативы только спустя столетие, в эпоху теории относительности и модернизма. Интуиция писателя и владевшее им противоречивое настроение увели его труд за самые продвинутые горизонты ожидания, словно Гоголь систематически выпадал не только из русского пространства, но и из своего времени. Эта рационально непостижимая расплывчатость положения нервировала западника Белинского, который стремился уловить Гоголя — Гегелем, вписать художника в гегельянскую «периодическую систему» и,

тем самым, в связный ряд европейских классиков. Славянофилы, напротив, постулировали исключительность, самодостаточность Гоголя именно как художника русского, выражающего современными средствами традиционное мироощущение. Константин Аксаков, например, усиленно представлял первую часть как вступление к грандиозному эпосу, от которого может начаться собственная, не-европейская культурная линия. Его излишне смелое сопоставление Гоголя с мифическим Гомером вызвало бурную полемику вокруг первого большого русского романа. Проницательный и беспощадный Белинский, вооружённый современной эстетикой, разнёс доводы оппонента в пух и прах. Но, как ни удивительно, сравнение с Гомером, по сути своей абсурдное, было оправданно и продуктивно. Гоголь стал первым в истории России мировым культурным брендом именно в силу того, что являлся чем-то вроде Гомера наоборот. Поскольку его художественное сознание не было цельным и постоянным, не совпадало само с собой, соединяло в себе множество противоречий, которые только усиливали, накручивали друг друга. Мечтательность и критичность, пафос и ядовитая ирония, стремление к жизненной правде и самозабвенный гротеск. Решения и стратегии, происходящие из амбивалентной намеренности, которая соответствовала духу великой русской Проблемы. Время показало, что только в силу национальной самобытности Гоголь вписался в европейский контекст. В споре западников и славянофилов, ошибаясь, правы были обе стороны. Русский писатель Гоголь был предвозвестником западного модернизма. И только к началу XX века русская культура окончательно созрела, стала востребованной, влилась в мировой процесс. Модернизму был свойственен эстетический экстремизм: страстное желание докопаться до истины, преобразить реальность по канонам красоты и столь же страстное желание всё разрушить и начать человеческую трагикомедию ab ovo. В творческой биографии Гоголя с исключительной чёткостью выражены обе эти тенденции.

Почти сразу же Гоголь приступил к сочинению следующей части поэмы. Работа шла, рождались новые персонажи, коллизии, однако автор был недоволен. Он словно утратил фокус внутреннего равновесия. Мне кажется, на Гоголе пагубным образом сказались общение с семейством Аксаковых, креативным ядром москов-

ского славянофильства. Думаю, он безотчётно побаивался, избегал этих добрых сердечных людей, энтузиастов особого пути России. Для Гоголя они были олицетворением «коренного русского духа». В письмах писатель не раз признавался, что им что-то владеет, «водит его пером», что он принимает решения, словно по чьей-то подсказке. Аксаковы зарядили творца на создание всеохватной панорамы русской жизни. Под их влиянием он пришёл к убеждению, что он мессия, избранный, чье предназначение — выразить некую «тайну», потустороннее средоточие русской жизни. Стоит только явить её миру — и мир тут же преобразится, Россия станет всем человечеством, весь мир станет русским миром. Разумеется, подобный проект требовал безошибочного исполнения, сверхъестественной чуткости. Гоголь задался целью написать совершенную книгу. Что это такое? Любая книга — всего лишь одна, вытянутая в бесконечность строка, нить. Стоит оступиться, сделать огрех, подставить в неё не то слово — и всё будет напрасно. Самая лучшая книга тут же станет обычной книгой, потеряет всю свою магическую, перформативную мощь.

Всем известно, к чему это всё привело. Писатель уничтожает

второй том, возможно, уже почти готовый к публикации. Растёт его недовольство первой, уже опубликованной частью книги. В предисловии ко второму изданию автор призывает всех читателей сообщать автору лично насчёт её недостатков, призывает читателей к сотворчеству. Идея, безумная для своего времени, но по существу верная. Кто как не русский читатель должен написать идеальную русскую книгу? Такая книга может быть только интерактивной. Кроме того, Гоголь, ссылаясь на своё слабое представление о русской действительности, просит читателя, вне зависимости от его образованности и сословной принадлежности, послужить ему корреспондентом, бесхитростно и подробно изложить, что же там, в России, такое творится. Между тем публика, подогреваемая слухами, с нетерпением ждёт продолжения. И работать за автора она не намерена. Гоголь заново пишет второй том, даже читает его близким друзьям. И, если судить по их отзывам, вторая часть ни в чём не уступала первой в живости, юморе, глубине. Но тяжкие приступы депрессии становятся все продолжительнее. Писатель одержим духом великой, невозможной задачи. Духом всея

Руси, которая, возможно, мнима, не существует — «кто тебя выдумал?». Глюк.

Гоголь был одинок, как звезда рок-н-ролла. В ту пору ещё не были изобретены антидепрессанты и тренинги личностного роста. С востока ещё не хлынули медитативные практики. Русские формалисты ещё не отделили литературу от метафизических и социальных инородных примесей, от символизма и учительства. Уж лучше бы Гоголь уехал на Восток, чем на Запад, и позабыл свой проклятый труд. Здоровье и внутренняя гармония дороже любого шедевра. А в те далёкие, почти легендарные времена путь был один — к духовнику, в лоно традиционной конфессии. Диагноз священника был однозначен: писатель одержим бесовской гордыней. Некий «злой дух» вынудил автора вторично сжечь своё творение. Россия так и не дождалась второго тома «Мёртвых душ».

Возможны ли сегодня хотя бы отдалённо подобные литературные проекты? Пусть даже на стадии замысла или намерения? Другими словами, жив ли до сих пор, актуален и содержателен тот комплекс идей, который инспирировал Гоголя на отчаянную попытку создать величайшее произведение?

